А. И. Доватур

АРИСТОТЕЛЬ И ИСТОРИЯ

Точнее следовало бы назвать тему настоящей работы — «Аристотель об истории», а наиболее подходящим названием было бы «Интерпретация двух мест „Поэтики“ Аристотеля, касающихся истории».

Разбирая сущность трагедии, Аристотель в своей «Поэтике» говорит о шести элементах, из которых складывается трагедия, резюмируя свое рассуждение в следующих словах — ἀνάγκη οὖν πάσης τραγῳδίας μέρη εἶναι ἕξ, καθ'ὃ ποιά τις ἐστὶν ἡ τραγῳδία· ταῦτα δ'ἐστὶ μῦθος καὶ ἤθη καὶ διάνοια καὶ ὄψις καὶ λέξις καὶ μελοποιία (6,1450a, 8 сл.) — «Итак, в каждой трагедии обязательно имеется шесть элементов (частей), в зависимости от которых трагедия получает свое качество; это — фабула, характеры, идея, зрелище, словесная сторона, музыка».

С особым вниманием останавливается Аристотель на вопросе о фабуле — μῦθος. Ее он определяет как соединение событий — λέγω γὰρ μῦθον τὴν σύνθεσιν τῶν πραγμάτων (6, 1450a, 4 сл.). Связь событий — важнейший элемент трагедии — μέγιστον δὲ τούτων ἐστὶν ἡ τῶν πραγμάτων σύστασις (6, 1450a, 16). Фабула есть начало и как бы душа трагедии — ἀρχὴ μὲν οὖν καὶ οἷον ψυχὴ ὁ μῦθος τῆς τραγῳδίας (6, 1450b, 1).

Вполне естественно, Аристотель развивает свои мысли о фабуле в трагедии с большой подробностью, еще раз напомнив читателю (слушателю), что связь событий, т. е. фабула, есть первое и главное в трагедии (7, 1450b, 22 сл.). В ходе своих рассуждений автор «Поэтики» выдвигает положение: фабула трагедии должна быть воспроизведением (μίμησις, а всякое искусство, по Аристотелю, есть воспроизведение [1]) единого действия, притом целостного; части событий должны быть сцеплены таким образом, что при перестановке или удалении какой-нибудь части претерпевает изменение и нарушается целое (8, 1451a, 31 сл.). Дальше — и это для нас в настоящем случае представляет наибольший интерес — Аристотель делает вывод: φανερὸν ἐκ τῶν εἰρημένων καὶ ὅτι οὐ τὰ γενόμενα λέγειν, τοῦτο ποιητοῦ ἔργον ἐστίν, ἀλλὰ οἷα ἂν γένοιτο κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον (9, 1451a, 35 сл.) — «из сказанного ясно, что дело поэта говорить не о том, что произошло, а о том, что могло бы произойти и о возможном в соответствии с вероятностью или неизбежностью» [2].

---

[1] Впрочем, высказано мнение, что μίμησις у Аристотеля во многих случаях следует понимать как «образ» (representation) — A. W. Gomme, The Greek Attitude to Poetry and History, Berkeley and Los Angeles, 1954, стр. 57.

[2] Подробный разбор аристотелевского понятия κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον, в частности, применительно к трагедии, дает N. Kaul, Der Zufall und die Theorie des tragischen Handlungsablaufes bei Aristoteles, Diss., Köln, 1965, стр. 72 (Аристотель

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Определив задачу трагического поэта, отстранив от нее описание (или воспроизведение) реальных событий, Аристотель вспоминает об историке, обязанностью которого является именно описание исторических событий. Различие между поэтом и историком состоит в различии стоящих перед ними задач, а не в чем-нибудь другом. Так, не имеет значения даже стихотворная форма трагедии и прозаическая — исторического сочинения. Можно переложить в стихи произведение Геродота, но от этого оно не перестанет быть историей. Важно для различения их то, что один (историк) говорит о том, что было, а другой (поэт) о том, как могло бы быть — ἀλλὰ τοῦτο διαφέρει, τὸ τὸν μὲν τὰ γενόμενα λέγειν, τὸν δὲ οἷα ἂν γένοιτο (9, 1451b, 5 сл.). Затем — знаменательные слова, способные подать повод и подавшие повод к заключению, будто Аристотель выносит суровый приговор истории [3] — διὸ καὶ φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον ποίησις ἱστορίας ἐστίν. Высокие качества, какими наделяет Аристотель поэзию сравнительно с историей (интерпретацией этих слов философа мы и займемся в дальнейшем), обосновываются тем, что поэзия говорит больше об общем, а история о частном — ἡ μὲν γὰρ ποίησις μᾶλλον τὰ καθόλου, ἡ δ'ἱστορία τὰ καθ' ἕκαστον λέγει. Раскрывая эту свою мысль, Аристотель поясняет: общее есть то, что человеку, обладающему такими-то качествами, приходится говорить или делать в соответствии с вероятностью или неизбежностью; частное же — что сделал или претерпел Алкивиад. Иначе говоря — поэт воспроизводит не реальную, историческую действительность, а некую идеальную правду. Нет надобности углубляться в детали теории Аристотеля о фабуле трагедии (в надлежащем месте мы о них еще вспомним). Приступить к интерпретации того места «Поэтики», где дается сравнительная оценка трагической поэзии и истории, можно будет только после выяснения границ, в каких делается самое сравнение.

Размышляя об одном из элементов, составляющих трагедию, — о фабуле, автор «Поэтики» попутно вспоминает об историографии. Фабула — важнейшая составная часть трагедии, неизбежно в ней присутствующая. Изложение событий в историческом сочинении — также обязательная часть последнего, без которой немыслимо произведение историка. Однако, кроме фабулы, для появления трагедии требуется и многое другое. Точно так же взятое для сравнения историческое произведение может не исчерпываться и, следует думать, не исчерпывается описанием событий. Ведь Аристотель не задается целью дать полное определение историографии [4], он только вспоминает о ней по поводу одного из элементов трагедии, который, являясь важнейшим, допускает сравнение с важнейшим же элементом исторического произведения. Все остальные стороны и части остаются здесь вне поля зрения автора.

имеет в виду то, что происходит в силу причины, заложенной в самом происходящем; значит — это то, что по большей части или всегда происходит именно таким образом).

[3] См. R. Weil, Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique», P., 1960, стр. 164.

[4] На этом с полным правом решительно настаивает К. фон Фритц (K. v. Fritz, Aristotle's Contribution to the Practice and Theory of Historiography. Howison Lecture, 1957. Univ. of California Publications in Philosophy, vol. 28, № 3, Berkeley and Los Angeles, 1958, стр. 132; он же, Das neunte Kapitel von Aristoteles' Poetik, «Festschrift Ernst Kapp», Hamburg, 1958, стр. 67 сл.; цитируется у Zoepffel). Игнорирует интерпретацию К. фон Фритца М. Финли (M. J. Finley, Myth, Memoir and History, «History and Theory», IV, 1965, стр. 281 сл.). Не убеждена в правильности интерпретации К. фон Фритца Р. Цопфель (R. Zoepffel, Historia und Geschichte bei Aristoteles, «Abhandlungen der Heidelberger Akad. der Wiss., philosoph.-hist. Kl.», Jg. 1975, Abh. 2, Heidelberg, 1975, стр. 6 сл.). Впрочем, в этой работе слово «история» берется в очень широком смысле — «разведывание», «опыт», т. е. собирание материала для научных и философских построений и, следовательно, нечто вспомогательное. Тем не менее автор признает, что в гл. 9-й «Поэтики» слово имеет более узкий смысл (наше «история»).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Аристотель называет одного из историков — Геродота. Как бы он ни относился к Геродоту, он не мог не знать, что в труде последнего имеется, кроме изложения событий, многое другое, притом не только географические и этнографические описания, но местами и собственные соображения [5]. В еще меньшей степени сводится к простой хронике сочинение Фукидида. Правда, Аристотель ни в «Поэтике», ни в других своих произведениях не называет афинского историка по имени, но скрытая полемика с ним в «Афинской Политии» в связи с одной деталью в рассказе о выступлении Гармодия и Аристогитона (18,4) [6], не говоря уже о соображениях априорного характера, свидетельствует о знакомстве Аристотеля с книгой Фукидида.

Превосходство драматурга перед историком Аристотель усматривает, как видно из самого текста «Поэтики», в том, что фабула трагедии строится по законам вероятности и неизбежности, а не представляет собой простого констатирования того, что однажды произошло. Употребление сравнительной степени — φιλοσοφωτερον καὶ σπουδαιοτερον — также должно нас насторожить. Свойства, возвышающие трагедию, не отрицаются за историей. Они только в большей степени присущи трагедии. Обратим внимание и на то, что слова об обращенности трагедии к общему (тогда как история обращена к частному) даются Аристотелем не в резко категорической форме: поэзия больше говорит об общем, история о частном. Наречие μᾶλλον мы вправе отнести здесь и ко второму предложению [7]. Истории Аристотель не отказывает в возможности заниматься общим, но в отличие от трагедии, преимущественно занимающейся общим, считает областью истории занятие главным образом частным. Еще одно: Аристотель не думает задавать здесь какую-то загадку своим читателям (слушателям), он не обещает в другом месте дать подробные объяснения (как он делал при упоминании о κάθαρσις — Polit. VIII, 7, 4, 1341b, 38 сл.); для понимания его слов достаточно всего того, что сказано в разбираемом месте «Поэтики».

Высказанные выше соображения отнюдь не уменьшают значения того противопоставления драматургии и истории, какое с полным правом усматривают в словах Аристотеля исследователи нового времени. Все же эти соображения, как нам кажется, не позволяют говорить, как это иногда делается, о каком-то принижении истории Аристотелем, о суровом приговоре, который он выносит историческим трудам. Дело идет о сопоставлении двух аналогичных сторон драматических и исторических сочинений. Начитанный в драматургической и исторической литературе, сам в какой-то степени причастный к труду историка [8], Аристотель хочет дать себе отчет в отличительных особенностях той и другой литературы в том пункте, что сам собой напрашивается на сравнение. Из двух качеств, которыми Аристотель в большей степени наделяет поэзию сравнительно с историей — φιλοσοφον и σπουδαῖον, первое более или менее ясно и, во всяком случае, не вызывает разногласий. Более философское, т. е. ближе к философии (отнюдь не отождествляемое с ней) [9], более достойно философа, требует

[5] См. Weil, ук. соч., стр. 169, прим. 41.

[6] См. В. Бузескул, Афинская Полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, стр. 211 слл.; G. Mathieu, Aristote, Constitution d'Athènes, P., 1915, стр. 42 сл., 114.

[7] О том, что μᾶλλον относится и ко второй части фразы, см. K. v. Fritz, Die griechische Geschichtsschreibung, I, B., 1967, стр. 20.

[8] О взносе Аристотеля в историческую науку см. R. Weil, Aristote et l'histoire, P., 1960, стр. 97. Правда, ни один из трудов Аристотеля, не исключая даже повествовательных частей его Политий, не подходит под понятие ἱστορία в том смысле, в каком берется это понятие в «Поэтике».

[9] Так, G. F. Else, Aristotle's Poetics: the Argument, Cambr. (Mass.), 1957, стр. 302, 304 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

больше размышлений. Менее просто обстоит дело со вторым качеством. Это видно уже из разных переводов, т. е. разных пониманий, отраженных у переводчиков, комментаторов, исследователей. Существующие переводы поддаются группировке. Во-первых, некоторые, опираясь, видимо, на имеющееся в «Поэтике» противопоставление σπουδαῖος — φαῦλος (2, 1448a, 1; 6, 1449b, 18 — хороший, плохой), хотят и в разбираемом месте придать сравнительной степени прилагательного σπουδαῖος значение «лучший», более совершенный [10], упуская из виду, что такой перевод придает словам Аристотеля слишком расплывчатый смысл. Другие переводы: «серьезный» [11], «значительный» [12], «заслуживающий внимания» [13], «содержательный» [14], «поучительный» [15], «полезный» [16], «нравственный» [17], «возвышенный» [18] и др. [19] Как видим, в понимании слова филологи довольно далеко расходятся.

Тем не менее можно выделить то общее, что объединяет разнообразные точки зрения. За различными переводами кроется мысль, что Аристотель в своем сравнении имеет в виду литературное произведение, т. е. готовую, законченную трагедию и готовый, законченный исторический труд, причем, скорее всего, в его воздействии на читателя (слушателя). Только при таком предположении становятся понятными определения — более серьезный, более значительный, содержательный, поучительный, полезный, нравственный.

Но действительно ли сравнение Аристотеля делается только под этим аспектом? Для ответа на вопрос следует разобрать контекст. Уже в начале главы речь идет о различии между историком (ἱστορικός) и поэтом (ποιητής) — оно не в том, что один говорит прозой, другой стихами, а в том, что один говорит о реальных фактах (τὰ γενόμενα), другой о фактах возможных (οἷα ἂν γένοιτο). Перейдя затем к поэзии и истории и определив реальное и возможное, Аристотель возвращается к поэту, причем в этом последнем слове он подчеркивает момент творчества, так что не совсем ясно, должны ли мы все пять раз переводить слово ποιητής как «поэт» или же как «творец» [20]. Поэт, по Аристотелю, должен быть в большей степени поэт (творец) фабулы, нежели метров — τὸν ποιητὴν μᾶλλον τῶν μύθων εἶναι

---

[10] Melior (Riccoboni XVI в. — см. в издании Becker, 1831); excellentius (G. Hermannus, 1802); a more excellent thing (Twining — см. Graefenhan ad loc.).

[11] Plus sérieux (Em. E g g e r, Essai sur l'histoire de la critique chez les Grecs, P., 1849, стр. 331; Barthelemy Saint-Hilaire, 1858; Egger, 1875; A. et M. C r o i s e t, Histoire de la littérature grecque, IV, P., 1900, стр. 737); ernsteres (Überweg, 1869), in stärkerem Masse ernst (Z o e p f f e l, ук. соч., стр. 14); more serious (Else, 1957), of higher seriousness (L. C o o p e r, The Poetics of Aristotle, N. Y., 1923 и 1956, стр. 43). Так и у некоторых отечественных переводчиков (Н. И. Новосадский, 1927; В. Ф. Аппельрот, 1961; Тен, 1967).

[12] Magis gravis (D. H e i n s i u s, De tragoediae constitutione... Editio auctior multo. Cui et Aristotelis, Re Poëtica libelus cum... interpretatione accedit, Lugduni Batavorum, 1643), gravius (Ritter, 1839; Tyrwhitt, 1794; Sahl, 1802); plus grave (de Parnagon — в буквальном переводе 1875 г.); gewichtiger (Ed. M ü l l e r, Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten, II, Breslau, 1837, стр. 49), bedeutendere (Schmied, 1875); of graver import (Bywater, 1920; Gomme, 1954, стр. 48); Ордынский (1854).

[13] Deserving of attention (Buckley, 1894).

[14] Gehaltvoller (Stahr, 2. Aufl., 1875; Schönherr, 1972).

[15] Plus instructive (Batteux, 1771), bildeuder (Valett, 1803), lehrreicher (Curtius, 1753; Lessing, Hamburgische Dramaturgie, 89. Stück, 8. März 1768).

[16] Nützlicher (Lessing, ibidem, в переводе).

[17] Plus morale (Dacier, см. в издании Graefenhan, Lipsiae, 1821).

[18] Higher class (Margoliouth, 1911); d'un caractère plus élevé (Hardy, 1932).

[19] Например, то, что делал бы или одобрил человек, который является σπουδαῖος what a σπουδαῖος would do or approve (Lucas, 1968); vom absoluten Wert (Z o e p f f e l, ук. соч., стр. 15).

[20] История греческой литературы, т. II, М., 1955, стр. 210, прим. 2.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

δεῖ ποιητὴν ἢ τῶν μέτρων (9, 1451b, 27 сл.),— поскольку он является поэтом (творцом) посредством воспроизведения, а воспроизводит он действия — ὅσῳ ποιητὴς κατὰ τὴν μίμησιν ἐστιν μιμεῖται δὲ τὰς πράξεισι. И если даже ему случится изображать (создавать?) то, что было, он от этого не становится меньше поэтом (творцом) — κἂν ἄρα συμβῇ γενόμενα ποιεῖν οὐδὲν ἧττον ποιητὴς ἐστι. Ведь ничто не мешает тому, чтобы некоторые из происшедших событий были таковы, какие могли бы быть по законам вероятности и сообразно этому он является их поэтом (творцом) — καθ' ὃ ἐκεῖνος αὐτῶν ποιητὴς ἐστιν. Такой упор на деятельность поэта и то прямое, то легко подразумеваемое сопоставление ее с деятельностью историка наводит на мысль, что слова, в которых Аристотель кратко формулирует свою сравнительную оценку трагедии и истории, скорее всего относятся не к результатам работы поэта и историка, а к процессу работы того и другого. Видимо, об этом думал тот единственный филолог нашего времени, который придал в своем переводе высказыванию Аристотеля соответствующую направленность — интересующие нас качества отличают написание трагедии (the writing of tragedy) от написания истории (the writing of history) [21]. После этого не будут необоснованными поиски для слова σπουδαιότερον такого значения, какое более подходило бы к смыслу всего рассуждения Аристотеля. Мы видели, что названное Аристотелем качество φιλοσοφώτερον едва ли требует для своего истолкования длинных рассуждений. Мысль поэта, в противоположность мысли историка, прикованной к фактам, к реальным событиям, охватывает более обширную область вероятного или неизбежного; к тому же объект историка непосредственно ему дан, объект же поэта в его распоряжении сам по себе не имеется, его нужно найти, создать (поэт-творец).

Но что может значить σπουδαῖος применительно к работе поэта и работе историка?

Среди значений глагола σπουδάζω значение «заниматься чем-нибудь», «усердствовать», «стараться в чем-нибудь», «прилагать труд» и т. п. оказывается очень частым. Соответственно и существительное σπουδή в смысле «усердие», «старание» и т. п. хорошо представлено у греческих авторов. Индекс Боница [22] дает нужные нам примеры из произведений Аристотеля. В качестве образцов можно привести два места: περὶ τιμῆς καὶ τοῦ ζῆν καὶ πλούτου περὶ ὧν σπουδάζειν δοκοῦσιν οἱ ἄνθρωποι (Eth. Eud. III, 5, 8, 1232b, 10 сл.) — «относительно почести, жизни, богатства, о чем, по-видимому, стараются люди»; αἱ ἐπιμέλειαι καὶ αἱ σπουδαὶ καὶ αἱ συντονίαι λυπηραί (Rhet. I, 11, 1370a, 11) — «заботы, старания и напряжение связаны с огорчением».— Что касается прилагательного σπουδαῖος, то Аристотель употребляет его обычно для обозначения того, что противоположно φαῦλος (плохой, слабый), в смысле «хороший», «порядочный», «дельный», «серьезный». Однако родство с отмеченными выше глаголом и существительным подсказывает нам и другое значение — «требующий старания, усердия, труда». Такое значение не является гипотетическим. Оно засвидетельствовано самым бесспорным образом у Геродота: говоря о трех способах бальзамирования у египтян, он называет самый дорогой и тщательный (требующий наибольшего труда) — τὴν σπουδαιοτάτην (II, 86). Что касается Аристотеля, то там, где речь идет не о людях, мы улавливаем оттенок «сделанный старательно, с приложением труда» в таких сочетаниях, как νόμοι σπουδαῖοι (например, Polit. VII, 2, 9, 1325a, 2 сл.) или ὑπόδημα σπουδαῖον (Eth. Eud. II, 1, 6, 1219a, 22 сл.) — какой бы перевод мы ни давали прилагательному — «дельный», «совершенный» и т. п. Таким образом, имеется основание присоеди-

[21] E l s e, Aristotle's Poetics..., стр. 301 сл.
[22] H. B o n i t z, Index Aristotelicus, B., 1955, стр. 696 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ниться к переводчику конца XVIII в., который слова Аристотеля передал на латинском языке так: quamobrem poesis etiam magis philosophica magisque studiosa res est, quam historia [23].

Стремление изобразить общее — то, что делал бы и говорил бы по законам вероятности или неизбежности человек, обладающий определенными свойствами,— отличает трагическую поэзию от исторического сочинения фиксирующего то, что однажды с определенным человеком случилось. Уже это одно заставляет Аристотеля признать, что написание трагедии требует больше размышления и больше старания, нежели написание истории.

Аристотель, однако, идет дальше и более конкретно показывает, в чем состоят трудности работы поэта по сравнению с трудом историка. Развивая свою теорию, Аристотель выставляет ряд требований, каким должна удовлетворять хорошая трагедия — фабула не должна быть растянутой, поэт должен давать (воспроизводить) законченное действие, трагическое действие вызывает страх и сострадание, перипетии должны строиться в соответствии с вероятностью и неизбежностью (в детали нам нет смысла вдаваться — см. гл. 13-ю «Поэтики»). Все эти моменты, присущие трагедии, не имеют никакого отношения к истории и историку. Об этом Аристотель прямо не говорит, но это само собой разумеется. В другом месте «Поэтики» (гл. 23), где речь идет об эпосе и где говорится о близости фабулы эпической поэмы с фабулой трагедии, Аристотель прямо заявляет, что одно из основных свойств трагедии — единство действия — чуждо историческому повествованию, построение эпических поэм не должно походить на построение историй — ведь в последних могут изображаться события, происходившие в одно и то же время и не имевшие между собой никакой связи — καὶ μὴ ὁμοίας ἱστορίαις τὰς συνθέσεις εἶναι [24], ἐν αἷς ἀνάγκη οὐχὶ μιᾶς πράξεως ποιεῖσθαι δήλωσιν ἀλλ' ἑνὸς χρόνου κτλ. (23, 1459a, 23 сл.).

Перед тем, как резюмировать все вышесказанное, следует, как это обычно делается при рассмотрении взглядов Аристотеля на трагедию, ненадолго задержаться на вопросе об историчности греческих трагедий. У. Виламовиц заметил, что в сущности почти все греческие трагедии имели сюжетом исторические события [25]. Редкое исключение представляла собой упомянутая в «Поэтике» (9, 1451b, 22) трагедия Агафона «Цветок». Мифически древность была в глазах греков и Аристотеля историей. Если так, то следует ответить на вопрос, почему автор «Поэтики» считает возможным говорить о трагическом поэте как о создателе фабулы. Едва ли здесь возможны два мнения. Мифологическая традиция давала остов событий. Не только разработка деталей, но и вся композиция трагедии в целом были делом драматурга. Один и тот же мифологический сюжет подавался зрителям разными поэтами по-разному [26]. Единство действия,

[23] Th. Chr. Harles, Lipsiae, 1780. См. также E. A. G. Graefenhan в своем издании «Поэтики» (Lipsiae, 1821, ad loc., стр. 85).

[24] Такой текст, подтверждаемый рукописью Riccardianus 46 и арабским переводом, является исконным; конъектура Дасье только воскресила его — см. Aristoteles, Περὶ ποιητικῆς, Gudeman, Lipsiae, 1934, ad XXIII, 1459a, 21, стр. 388.

[25] U. v. Wilamovitz-Moellendorff, Euripides Herakles, Bd. I, Einleitung in die griechische Tragödie, 4. Abdruck, B., 1959, стр. 119.

[26] См. разъяснения, какие дает М. Вален (M. J. Vahlen, Beiträge zu Aristoteles' Poetik, «Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss., Philosoph.-hist. Kl.», Wien, 1865, стр. 293): «Трагедия, правда, главным образом придерживается материала, доставляемого сказанием или историей, и имеет то преимущество, что вызванная ею вера в возможность и правдоподобие действия поддерживается и подкрепляется сознанием того, что они произошли в действительности. Однако трагедия не всегда и не исключительно придерживается предания, но и там, где она этого не делает, она достигает такого же воздействия. Это легко понять, так как историческое событие редко бывает известно всей публике как таковое и все же действует одинаковым образом на всю публику.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

соответствие поступков и слов действующих лиц их характеру и ситуации, в какой они находились, забота о воздействии на зрителей путем внушения им чувств страха и сострадания — все это давало широкий простор творчеству поэта.

Остается подвести итог. В своей «Поэтике» Аристотель занят изучением литературных произведений, в сохранившейся части изучением трагедии и эпической поэмы. Только попутно он затрагивает историю и только для того, чтобы в одном пункте сравнить ее сначала с одним, потом с другим из интересующих его литературных жанров — исключена всякая возможность видеть в словах Аристотеля не только определение истории в целом, но и всеохватывающее сопоставление сравниваемых литературных видов. Сравнение ограничивается одной стороной — фабулой, неотъемлемым элементом истории и определенных видов поэзии. В результате сравнения оказывается, что поэт является создателем фабулы, тогда как историк получает события в готовом виде. Иначе: создание трагедии (об этом Аристотель говорит подробно) есть процесс творческий, а создание исторического произведения (прямо это не сказано) таковым не является. Поэт — творит, историк познает.

ARISTOTLE AND HISTORY

A. I. Dovatur

Aristotle's view that poetry is more philosophical and its creation more laborious than history should be understood in the context in which it is expressed (*Poet.* 1451b,5 sqq.). Aristotle is discussing one element of tragedy, the plot; history comes to his mind in just this connection. The philosopher does not undertake an exhaustive definition of the process of historical composition. His comparison of tragedy with history is strictly limited in its reference: the plot, a most important part of tragedy, is something more philosophical than the corresponding, narrative part of a historical work because the historian relates what actually happened while the tragic poet constructs his peripeties with an eye to the probable and the inevitable. The composition of tragedy is a creative process, a thing which cannot be said of the composition of a historical work. In short, the poet (as his name implies) creates, the historian finds out and reports.

Итак, драматического поэта характеризует произведенное по закону вероятности и неизбежности поэтическое преобразование (μίμησις) переданного сказанием или историей; если в очень редких случаях поэт оказывается в таком положении, что предание имеет тот вид, какой ему нужен для его произведения, то он все же выполняет свою задачу как художник (μιμητής), беря исторический материал для своего поэтического произведения не потому, что это материал исторический, а потому, что он уже обладает свойствами, какие имеет право и обязанность придавать ему по собственному почину поэт».

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ